

Анна Шипилова

Пересортица

Рассказ

В четырнадцать Марина переступает порог милицейского колледжа, родители подают документы за нее: «на районе», идти недалеко, кусок хлеба всегда заработать можно. Колледж стоит на задворках бывшего автомобильного завода, куда на выходных ее отец отправляется с болгаркой за металлоломом. Марина ходит по коридорам и рассматривает витрины — медали и награды, фотографии лучших выпусков, благодарности и грамоты от правительства и Президента, подписанные синей ручкой. Рассматривает автограф и думает: «Неужели настоящая, неужели Его рукой?» Заведующая складом выдает брюки одного размера и рубашку другого, и пока она ворчит о недокомплекте, Марина примеряет свою первую форму. Вытягивает длинные руки — ткань на плечах трещит; ей вообще сложно найти одежду, мама всегда перешивает купленное. «И так уже пересортица», — бормочет завкладом, и Марине кажется, что это слово про нее — что-то между переростком и сортом груш или яблок.

— Белый налив, — шепотом говорит она, переодевшись и расписываясь в ведомости, — мои любимые — белый налив.

Ее родственников «пробивают» на наличие судимостей и связей за границей. Мама рассказывает по секрету, что прабабушка Марины была на оккупированных территориях Украины в Великую Отечественную.

— Я хочу, чтобы ты знала, только никому не проболтайся, — они сидят на кухне за столом, накрытым клеенкой с аляповатыми голубыми васильками. — Бабка тогда взяла детей, собрала чемодан, закрыла дом, заколотила ставни, когда немцы были на подступах к городу, но не успела уехать. При Сталине могли и в лагерь отправить, ну а сейчас, — мама вздыхает, — сама понимаешь, какое время. Если что, мы из Пензы. А отца твоего никогда не принимали, чтоб ему, судимостей никаких нет, — усмехается мама ртом с почерневшими железными коронками.

Прабабушка иногда закатывает банки на кухне. Марина ее видит, начиная с Яблочного Спаса. Она наклеивает пластыри на крышки и подписывает шариковой ручкой год, иногда это шестидесятые, иногда сороковые. «Доню, — просит, принимая Марину за свою дочь, — сходи за сахаром».

Марина растет под присмотром алебастрового Железного Феликса, его шестиметровая статуя стоит на первом этаже: гордый поворот головы, одна рука в кармане

Анна Шипилова родилась в Москве в 1989 году. Окончила ВГИК им.Герасимова. Рассказы публиковались в сборниках издательства «Эксмо». Это первая «толстожурнальная» публикация автора.

кармане шинели, другая сжимает шапку. На парах — такое взрослое слово — к ним, четырнадцатилетним, вчерашним детям, спешившим домой на мультфильмы, обращаются на «вы». Преподаватели, бывшие и настоящие сотрудники милиции, объясняют им, что в школе учителя были обязаны дотянуть их до аттестата, а здесь удержаться им позволит только соблюдение дисциплины и личная ответственность. Их группы называются по-военному — взводами. Пока ее бывшие одноклассники прогуливают школу, у нее строевая и огневая подготовка, дежурства по столовой и чистка плаца от листьев и снега. Они по секундомеру разбирают и собирают автоматы — кто последний, тот дежурит сегодня. Найдя выпавшую из чьего-то кармана шпартгалку, начальник взвода останавливает экзамен и диктует выдержку из УПК, чтобы затем вычислить нарушителя по почерку; зашедшей проверочной комиссии он с улыбкой поясняет: «Проводим следственный эксперимент».

— Автомат — это оружие труса, — говорит Марине отец, сидя на гнилом дачном крыльце и расчесывая комариные укусы сквозь дырку в растянутых синих трениках, — самое лучшее оружие — винтовка Симонова. Без нее, — он, как проповедник, поднимает руку с зажатой между желтоватыми пальцами сигаретой, — не было бы кубинской революции!

Марина всегда очень спешит с огневой подготовки на стадион. Во время бега задерживает дыхание, никто не учит их дышать правильно. Все мысли уходят, и пока не начинают болеть легкие, она наслаждается пустотой и головокружением. На уроках рукопашного боя Марина хочет, чтобы к ней относились, как к остальным, просит не жалеть, но она единственная девушка во взводе, и парни на спарринге аккуратно укладывают ее на скользкие маты, застенчиво улыбаясь. Тренер вздыхает, смотрит на нее сверху вниз и показывает еще раз. Говорит, похлопывая, как лошадь по крупу:

— Ты такая рослая, ноги как у легкоатлета, косая сажень в плечах, что ж ты не используешь это? Дралась вообще когда-нибудь? Или все боятся и не лезут?

Она вспоминает случай в детстве, который можно с натяжкой назвать дракой. Лет в восемь они с дворовой подругой придумали кидать друг в друга камни из кучи, сваленной у дороги, и уворачиваться. Первый же камень Марины попал подруге в губу. Губу увезли зашивать в больницу, а во дворе с ней перестали общаться. Других друзей она так и не завела. Ее никто не наказал: отец тогда пропадал неделями, а матери было не до того.

— Я не хотела, — признается Марина тренеру, впервые рассказав эту историю, — я просто промахнулась, хотела кинуть мимо.

— Ну тут как раз надо целиться, — отвечает тренер. — Ничего, сделаем из тебя еще бойца. У нас окружные соревнования на носу, а мне из девчонок некого выставить на них. Вот прошлый выпуск знаешь какой был! — он мечтательно заводит глаза. — Бешеные все, волосы вырывали друг другу клоками, когда проигрывали, объяснительные потом писали, выговоры получали, бой-бабы, эх-х.

На пьянку по поводу окончания первого курса они всей толпой вместе со «старшаками» идут в заброшенный ДК около железки. ДК раньше принадлежал автомобильному заводу, но потом, когда производство закрыли, стал разрушаться и зарастать травой. Один однокурсник открывает ей пиво, другой передает свое, уже открытое, третий расстилает кожаную куртку на серой крошащейся плитке.

— Стремно быть девственницей. Значит, никто не захотел, значит, никому не нужна. Идеальный возраст, конечно, шестнадцать, — говорят ей.

Уголовной ответственности никакой, знает она. Девочек на курсе пятнадцать, парней в десять раз больше, поэтому даже самые некрасивые чувствуют свою ценность и понимают, что могут выбирать, кому давать. Марина затягивается переданным

косяком, неумело отпивает пиво, обливаясь пеной, и к ней подсаживается, отгоняя остальных, старшекурсник. Предлагает, ухмыляясь:

— Давай я тебя научу пить. Наклоняй медленнее, не так резко.

Приведя домой, он говорит ей, укладывая на разложенный диван:

— Ты такая чистая, такая красивая, я так рад, что я у тебя первый.

Она лежит, улыбаясь, придавленная его весом, дышит в его шею и думает, что влюбилась.

— Скоро мать придет, — он поднимает ее и комкает окровавленное полотенце, — выброси по дороге, ладно? Только не в нашу мусорку.

Марина еще долго чувствует запах его туалетной воды на шее и груди, моется частями, только чтобы слышать его дольше. Представляет, как они будут гулять вместе после пар по району, жарить шашлыки с его друзьями в лесополосе около железки. Рассматривает в магазинах платья, прикидывая, какое может ему понравиться. Втайне от матери примеряет ее выходные босоножки на шпильках, но на Маринин сорок первый они не налезают, пальцы торчат.

— Залететь — не позорно, по пьянке все бывает, лишь бы парень женился, возьмешь академ, а иначе придется идти на аборт, — говорит однокурсница.

Но он не женится.

Марина сидит в горячей ванной почти до обваривания, до ожогов. Высыхающая красная кожа потом сходит пластами. Прабабушка заходит в ванную, смотрит на нее и молчит. Марина пьет горькие отвары из петрушки, даже думает зайти в церковь, только не понимает, за здоровье ей ставить свечку или за упокой, — может, прабабушка знала такие тонкости. Но вызвать выкидыш у Марины не получается.

— Главное, чтобы отец не узнал, — рассуждает мама, — и соседи. Иначе это позор. Поедем делать аборт в областную больницу, а то в нашей все будут языками молоты. А соседям я скажу, что отправила тебя в лагерь. Этот, как его, военно-патриотический, на Селигере.

Марина лежит на покрытой клеенкой каталке, коек не хватает. То голова, то ступни свешиваются, голые ноги липнут к клеенке. Врач выдает ей таблетку, которая вызывает такую боль, будто кто-то взял сердце — то, маленькое, бьющееся в животе, и резко сдавил. Потом, как из крана, начинается кровотечение. Марину то знобит, то бросает в жар, и кровь не останавливается.

Кровь не останавливается, пока — шматками — она не теряет ребенка в темном холодном поутру туалете больницы, пока что-то в ней не ломается. Она подвывает от боли, согнувшись над раковиной, ее мама тихо плачет в платок в коридоре. С тех пор Марина навсегда перестает подавать нищим и подкармливать брошенных собак.

— А ко мне муж после смерти приходил каждую ночь, — говорит ее соседка по палате, отходя от наркоза после операции.

Бабушка на койке около окна перестает храпеть и открывает один глаз.

— Ходил и ходил, — продолжает соседка, — как живой был неугомонный, так и мертвый остался, слаб был на передок, ох слаб... Сын у меня рос, и замуж надо было опять выходить, одна бы я не потянула, вот и говорю ему как-то ночью: уходи, мне живой мужик нужен. Чтобы, говорю, и по хозяйству, и денег в дом, и сына воспитывал.

— Не страшно было? — подает голос спавшая бабушка. — Мне было страшно, когда ко мне мой приходил, после войны.

— Да не-е-е, — тянет соседка, — он же мой родной, чего бояться. Не ушел, правда, пришлось изгонять — звать батюшку.

С третьего курса Марина проходит практику в отделении, разбирает архивы в подвале, подшивает заявления портновской иглой, нумерует, составляет описи.

Огромные стопки документов высятся в углу кабинета, она набирает их охапками и перекладывает на свой стол. Знает, сколько весит работа до обеда и после. Единственное развлечение в комнате без окон — радио, на третий день она заучивает все песни, которые крутят по кругу.

Тренер посылает на округ по рукопашному бою. Перед началом соревнований по физкультурному залу проходят священники с кадилами, благословляя их на бои, долго зачитывая по бумажке на старославянском. Марина понимает только отдельные слова. Начальник взвода говорит коротко, зато понятно: «Если опозорите меня — задним числом переводитесь в кулинарный техникум».

Каждый взвод считает себя легендарным и элитным, поэтому победа на соревнованиях особо почетна. Медаль Марины вешают на гвоздик за стеклом на первом этаже. В столовой для взвода устраивают праздничный обед — борщ с пампушками и настоящее мясо, не потроха и не надоевшая курица. Марина ест, держа руки на весу и стараясь не касаться липкой клеенки.

Она обращается к Железному Феликсу, когда ей некуда больше пойти и не с кем поговорить. Из лекций по истории она знает, что он был покровителем бездомных и защитником детей. Марина надеется, что для нее найдется слово или знак. Она спрашивает его о себе, чуть шевеля губами:

— Серёжа из тридцать третьего взвода меня любит? Мама меня простила? Я сдам огневую подготовку?

Когда отец Марины в очередной раз уходит в запой, мама отправляется к нему на работу и просит не увольнять его. Говорит, что он заболел, и начальник производства делает вид, что верит. Отец — лучший сварщик на заводе, и без него все сложные заказы встают: таких качественных сварных швов нет больше ни у кого. Марина находит отца, опросив всех его собутыльников, у давней маминной подруги. Тетя Таня открывает дверь, и Марина сразу сносит ее плечом — та, задохнувшись, приваливается к холодильнику. Отец матерится, пока она тащит его по лестнице вниз. Он отталкивает ее, но Марина понимает, что стала сильнее и выносливее, рукопашный бой не прошел даром. Она заставляет отца снова закодироваться, и в конце месяца у нее появляются зимние сапоги, а у мамы — новая керамическая коронка.

Железный Феликс смотрит на всех сверху своими белыми слепыми глазами и не знает, что здесь позорно одеваться хуже других, иметь не «Нокию», не раскладушку «Моторолу», а старый «Сименс». Позорно хотеть учиться, готовиться ко всем экзаменам, брать много книг в библиотеке, собираться поступать в вуз.

— Кроме высшего образования, нужно иметь среднее соображение, — выдает ей отец. — Работать пора идти. Я после семилетки пошел на завод, видишь, поднял семью, тебя выучил. Пора отдавать долги.

Позорно хотеть большего — поступить в медицинский или педагогический, стать врачом или учить детей. «Самая умная, что ли?» Позорно хотеть странного — отправиться путешествовать в Исландию на велосипеде, выкрасить волосы в синий, выучить корейский, стать вегетарианкой.

В восемнадцать, после окончания, ее берут в отдел по работе с несовершеннолетними.

— Ну куда еще тебя, — говорит кадровичка.

Марина, помня про архив, соглашается на все. Она ходит по неблагополучным семьям района, потом округа, разбирается с кражами в родной школе, ездит в колонии, сидит в судах, читает заявления и изучает личные дела. Иногда ее поднадзорные младше всего на год-два, они подкатывают, пытаются рассмешить, найти ее слабое место и разжалобить.

Она не умеет просить и принимать взятки, не приобретает профессиональную циничность и безразличие, ее тошнит от вида крови, от грязи, разбегающихся от включенного света тараканов, от запахов мочи и гниения в домах. Марина не умеет проводить допросы, верит всему и всем, начальник кричит, что ее красным дипломом милицейского колледжа можно подтереться, раздраженно добавляя: «Простота хуже воровства».

Когда она в форме едет в метро, с ней боятся знакомиться.

Вечерами и в выходные, когда Марина остается одна, она слышит тихий плач, похожий на мяуканье. Она вышивает картины по номерам крестиком, ее успокаивает, что все понятно, что ей дали схему, написали инструкцию, поставили на каждый моток ниток номер. Нервничать начинает, только когда нужный цвет ниток вдруг кончается: не доложили или ошиблись. Картина — ваза с цветами или лошади на лугу — не складывается, а нужного цвета в магазине штор по соседству может не быть. Прабабушка иногда садится рядом вязать, но постоянно сослепу теряет петли.

Когда Марина простужается, проведя на морозе пять минут без шапки или посидев на сквозняке, потом неделями отлеживается на антибиотиках. Ее медицинская карта в ведомственной поликлинике, как том Толстого. Чуть подует — у нее поднимается температура, чуть изменится погода — падает давление, начинается мигрень, если случайно съест просроченный творожок, — проводит неделю на хлебе и воде. На очередной диспансеризации ей говорят:

— Бесплодна. А нечего было на блядки ходить.

Иногда она ходит в клубы и бары — пьет до невменяемости, до незрячести, до ощущения невесомости в теле. Марина танцует, и перед ее глазами пляшут неоновые огни. Ее кто-то снимает — видит в ней кусок свежего мяса с дыркой. Наутро она старается не вспоминать об этом и никому не рассказывает.

Приехав на ночной вызов, Марина видит пятнадцатилетнюю девчонку и узнает ее: она учится в той же школе, а ее мать, воющая над телом мужа в комнате, — хозяйка магазина штор. Марина спрашивает, что произошло, девочка отвечает: толкнула, он ударился виском о железный набалдашник в изголовье кровати. Потом зачем-то сообщает, что кровать старая, привезли когда-то из деревни.

— Что он делал у тебя в комнате ночью?

Та объясняет.

Пока девчонка переодевается, Марина рассматривает ее живот, непропорционально большой при таких худых руках и ногах. Она закрывает дверь кухни, сама пишет показания и зачитывает их, проговаривая чуть ли не по слогам, как учительница в школе.

— Хотите варенья? — внезапно спрашивает девчонка, глядя куда-то в пространство. — Яблочного. Из белого налива, мама много закурила.

Марина обходит соседей. Увидев в глазок ее форму и удостоверение, открывают неохотно, отвечают из-за двери, в глаза ей не смотрят. «Нет, не видели, не слышали, накануне были гости, но разошлись, еще одиннадцати не было».

— А дочь-то у них выросла красавица, сразу видно, не в мать пошла, да? — говорит бабушка-соседка с первого этажа и кидает быстрый взгляд на Марину.

Она выходит из дома и видит такой же двор, и соседний подъезд с несмываемым граффити, и даже такую же мусорку, как та, куда нельзя было выбрасывать полотенце. На детской площадке под грибочком сидят подростки с пивом — Марина делает вид, что не замечает.

Она возвращается в отделение и пишет рапорт на увольнение.

Женя Декина

Баг

Рассказ

Таня любила только красивых. Соседа — чемпиона области по плаванию, молодого физрука, который тискал ее в раздевалке, учителя пения из ДК. А Денис был просто одноклассник в дутой куртке с сытым выражением лица. Он провожал до дома, задавал вопросы и много спорил. После школы Таня уехала, они год не общались, а потом он неожиданно пришел. Перевелся в областной центр из-за какой-то мутной истории — то ли подрался с кем-то, то ли должен был подрасться — Таня не вникала. Ей было не до того, она мечтала выйти замуж за аспиранта с их кафедры и думала только о том, как понравиться его маме. Денис предложил подарить будущей свекрови собственноручно связанные варежки или напечь пирогов. Таня ни того, ни другого не умела.

Когда он появился в следующий раз, Таня уже сама училась в аспирантуре. Денис рассказал, что все эти годы бурил нефтяные скважины на крайнем севере, копил на жилье. Посмотрел на ее руки без колец и аккуратно спросил о маме аспиранта. Таня с трудом ее вспомнила. На этот раз она была безнадежно влюблена в женатого профессора. Денис оказался тоже женат, жена была беременна. Он позвал в гости, сам понимая, что Таня, конечно же, не придет. Она и не пришла. Время от времени они встречались и гуляли по огромному парку за Таниным домом. Денис, как в детстве, покупал ей мороженое с шоколадной крошкой, а Таня жаловалась на жизнь.

Профессор был биохимиком с соседней кафедры. Студентки его обожали: он пошучивал и флиртовал. Когда у него случалась лекция в соседней аудитории, Таня открывала дверь кафедры и садилась поближе к выходу — послушать. Иногда ей удавалось подловить его в преподавательской столовой, и они вели долгие занимательные беседы. Тане нравился его ироничный тон и особенное спокойствие — он будто бы родился изначально правым и знал об этом.

— Любви нет, — говорил он, разламывая котлету вилок. — Это инстинкт.

— Ну да, и предрассудки, — улыбалась Таня. — Скажите это какому-нибудь юному Вертеру.

— Могу научно обосновать, — он поднимал на нее хитрый взгляд. — Но вы этого не хотите. Вы барышня и верите в любовь.

Декина Евгения Викторовна родилась в 1984 году в г. Прокопьевске Кемеровской области. Окончила Томский государственный университет по специальности «Современная литература и литературная критика» и сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Лауреат Волошинского конкурса, лауреат премий «Росписатель», «Звёздный билет» и др.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 7.

— Хочу верить, — поправляла Таня.

— Ах да, вы уже отстрадали свое и в любви глубоко разочарованы.

Таня смеялась. Он приподнимал вверх не палец, как делают учителя, если ученик угадал правильный ответ, а вилку с кусочком котлеты. Он любил сочные пожарские, в одинаковых крупных сухариках.

— Ваш организм воспринимает мужчину только как партнера для продолжения рода. Вам нравятся те особи, генотип которых при скрещивании даст наилучший результат. То есть если доминантные гены партнера перекроют ваши рецессивные...

— Если я лысая, то мне нравятся волосатые, так? Или если я толстая, то мне нравятся худые?

Он засмеялся.

— Все гораздо тоньше, вы можете быть очень волосатой и любить еще более волосатого, но после сорока внезапно облысеете. Вы этого не знали, а организм знал. Он по запаху определил, что вот от этого будет здоровый, крепкий ребенок, а от этого — больной.

— То есть, если женщина выходит замуж не по любви, а из-за денег, то родится урод? И в случае изнасилования тоже?

Он расхохотался:

— Такими темпами мы с вами к десерту сверхновый завет напишем.

— Но это многое объясняет. И то, почему женщины рожают от альфа-особей, а растят потом с бета и гамма.

— Эта классификация научно не подтверждена. Что такое альфа-особь в современном мире? Илон Маск? Вассерман? Наш терпила-ректор? Или охранник дядя Вася, который лупит студентов?

— Правда лупит? — Таня не знала.

Денис разговоры их крайне интересовали, он переспрашивал, уточнял, даже сходил к профессору на лекцию и перед уходом заглянул к Тане. Ничего не сказал, только кивнул значительно — будто одобрил.

На сына профессора Таня случайно налетела в коридоре и испугалась. Он был так ослепительно красив, что Таня даже не оробела — забыла, что можно стесняться. Она бесцеремонно разглядывала его, пока он жал ей руку и произносил «Максим» глубоким бархатным голосом, пока провожала на нужную кафедру, пока говорила, где еще может быть его отец. И после — как зачарованная пошла за ним в столовую, хотя у нее уже начиналась пара, присела поболтать. И смотрела, смотрела, смотрела.

Он казался ненастоящим. Черные с отливом волосы, персидский разрез глаз, капризный изгиб верхней губы и при этом жесткий, мужественный овал лица. На него оборачивались. С такими данными он запросто мог бы сниматься в рекламе или играть в кино. А он сидел тут, в обычной Таниной жизни, за столом, и его белоснежная накрахмаленная рубашка была в разы свежее скатерти. Или ей просто так казалось.

Было видно жилку на его шее, и Таня представляла, как в момент страсти целует его, и жилка пульсирует у нее на языке. Крепкие руки с красивыми аккуратными пальцами обнимают ее. Тело его, загорелое, здоровое, будоражило так сильно, что Таня уставилась ему в переносицу. Она поняла вдруг, почему мужчины так безотрывно смотрят в глаза красоткам с глубоким декольте. Иначе невозможно себя контролировать. Он встал за солью — и Таня подумала, что у него совершенно непристойные бедра, ей в каждом движении видятся толчки, и она уже чувствует под ладонью его круглый упругий зад с неглубокими ямочками. Хотелось погладить. Всего целиком. И это была не обычная похоть, но еще и что-то похожее на состояние детской очарованности взрослым, который кажется особенным и прекрасным во

всем. Быть рядом, наблюдать, повторять движения, будто примеряя его мимику и жесты.

— Генетика, — профессор все понял и невесело усмехнулся. — Видите, даже дружбы не существует. Я думал, вы восхищаетесь моим умом.

— А вы моим? — парировала Таня, и профессор рассмеялся.

— Ну, ты же любишь качков, — улыбнулся Денис в ответ на ее излияния и посмотрел в глаза. Он пытался стереть с джинсов пятно от мороженого, но только размазал — оно стало похоже на пятно крови.

— Максим не качок, он просто... Я никогда таких красивых не встречала.

— Да ну, прошлый тоже был тот еще Кен.

— Кен?

— Ну, кукла. Пластмассовый такой.

Таня засмеялась. Бывший и правда был похож на куклу. А этот так порывисто двигался, что чем-то напоминал огромного годовалого щенка, который напустил на себя суровости, но постоянно выпадает из образа. Это завораживало.

— Мало щенков видел, — пожал плечами Денис. — Типа школьницы нескладной? О, а помнишь, у тебя гольфы были полосатые?

— Причем тут гольфы? Помню. Они у всех были.

— Полосатые только у тебя. Веселые такие, красно-белые.

Таня вспомнила, что какие-то и вправду были красно-белыми, она их ненавидела, потому что они напоминали костюм клоуна, но ее молдавская бабушка ходить по улице без гольфов не разрешала. В школе Таня их снимала и оставалась в чистеньких колготочках, не забрызганных сзади грязью, как у всех остальных. Именно из-за опрятного внешнего вида в третьем классе ее и выбрали читать стихотворение в парке, а потом сделали ведущей школьных праздников.

Тане было неловко оттого, что Денис помнит ее маленькой, и что он, возможно, влюблен в нее. Может быть, он думал о ней и воображал ее так, как она воображала теперь Максима. Максима хотелось обнимать, кормить, купать и расчесывать.

— Как ребенка что ли? — Дениса удивляли Танины признания.

— При чем тут дети? Ребенка ты купаешь, потому что он грязный, и кормишь, потому что он жрать захотел, а это для удовольствия. Наслаждаться человеком, понимаешь?

Денис не понимал. Он говорил о жене коротко — не ссоримся, добрая, вкусно готовит. В его описаниях не было ничего конкретного — блондинка с голубыми глазами, и Таня этого не понимала — будто бы Денису совершенно не важно, что это за женщина, о чем она думает, во что одета, есть ли у нее целлюлит.

— Да я не смотрел как-то...

— В смысле — «не смотрел»? Ты с ней не спишь, что ли?

— Ну, я же в темноте.

С другой стороны, он ко всему в жизни так относился — «Работаю. Платят. Хорошо, ага. Родила. Дочка. 3,65. Растет, ага». Как будто бы все в жизни — само собой разумеющееся, идет дождь, купить хлеба, растет дочка, маньяки всякие околачиваются.

— Чего?

Иногда он удивлял — говорил что-то такое вот, вышибающее. Таня за новостями не следила, слышала про какого-то маньяка, но всерьез не воспринимала.

— Да тебе-то чё, у тебя дочери нет, — пожимал Денис плечами. — Это мне вот надо чего-то думать будет, потому что в этом районе я ее в школу не отдам.

Таня тоже хотела дочь, и сына хотела, а потому сама нашла Максима в соцсети — ей пришлось вручную проверить около ста страниц его полных тезок. Она добавилась и за вечер посмотрела десять тысяч его фотографий. Это был конец. Она тут же написала, он ответил, они о чем-то поохотали, и Таню понесло.

Она воображала себе, как он спит обнаженный в ее постели. Вот она гладит его по голове так бережно, что он даже ничего не чувствует. Вот он жует, уткнувшись в телефон, и поднимает на нее взгляд, не заметив, что она подложила ему еще один, самый вкусный кусочек. Она покупает ему белый свитер — с его загорелой кожей будет фантастически красиво. И красная рубашка тоже. Он наливает себе воду из ее графина, вот этого, а Таня, проходя мимо, легонько щиплет его за зад, он вздрагивает и проливает, и они в шутку борются. Она подходит к нему и целует. И снова целует. И еще.

— Я бы его даже ревновала!

— Да ну, — покачал головой Денис, — ты никогда не ревнуешь. Просто интерес теряешь от ревности, и все. Ревнуют другие люди, и по-другому.

— А ты ревнивый?

Денис не ответил — он смотрел на киоск с газетами, мимо которого они проходили:

— Ты такое в пятом классе хотела, помнишь?

На передовице был портрет убитой девочки в пышном бальном платье.

Таня подумала, что девочка может оказаться ученицей Максима. Он был тренером по бальным танцам. И Таня, конечно же, сто раз пересмотрела все его видео — он не просто чинно кружил партнершу по залу, как другие, он сам становился танцем. Это было необычно и естественно одновременно, как странно, но органично идет по улице хромой человек, как певец в жизни говорит грудным низким басом. А это человек — танец. И на него никто никогда не подумает — красивому, успешному, увлеченному своим делом человеку незачем убивать. Интересно, как он злится? Наверное, повышает голос и говорит, часто моргая от непривычной громкости, потом вздыхает и сердито поджимает губы. Тоже красиво.

Через пару дней Таня дождалась Максима в столовой, пообедала с ним и его отцом, а потом он не ответил на ее сообщение. Просто не ответил и все — как если бы ему стало скучно или он на кого-то отвлекся. Этого Таня не ожидала. Она ходила около его дома — пыталась встретить. Снова написала ему в соцсети — он снова не ответил. Ни через час, ни к вечеру, ни на следующий день. Ей все всегда отвечали. Впрочем, раньше она и не писала первой.

Таня не понимала, куда себя деть. Удалила его из друзей, чтобы не видеть его фото, всплывающее среди тех, кто онлайн. И поскорее добавила назад, пока он ничего не понял. Если спросит, почему, соврет, что комп затупил. И тут же поняла, что не спросит. Ему все равно, он ничего не заметил. Не заметил ее саму, не заметил ее сообщения, которое потонуло в тонне «приветкакделачёделаешь» от всяких баб, которые ходят к нему совсем не затем, чтобы научиться танцевать. Он не заметит, даже если она из этой вселенной удалится. Но почему? Почему? Она же умная, красивая, веселая, добрая, она же подходит. Или нет?

— Да кончай ты мозги себе кипятить! — Денис не понимал.

— Не могу. Это примерно, как вирус, работает, понимаешь? Вот захотел ты торт, и тебе все этот торт напоминает. И земля похожа на шоколадный крем, и птичка пролетающая яйца откладывает, а из них торт испечь можно...

Денис расхохотался.

— Нет, я серьезно. И ты, как одержимый, все к этому тарту подтягиваешь.

И в магазинах только торты продаются, и в полях пшеницу для муки выращивают, и коровы сливки для крема дают...

— И захавать его становится пипец важно, аж крышак подъезжает, — кивнул Денис. — Знаю.

— Вот! И чем дольше ты этот торт не получаешь, тем сильнее ты его хочешь. А хуже всего то, что я сама себе этот торт придумала. Не готовый какой-то, а именно сама. Намечтала всякого...

— Понял, ага. В готовом тебе чего-то там может не вкатить, а тут конкретно под тебя. Идеальный типа.

— Ну. А мечтать нельзя. Мечта — это вирус. Зараза, которая селится в твоём мозгу и жрет тебя, как опухоль.

— Не, ну бывает же хорошая. Типа детей родить или много бабла, например.

— Нет хорошего и плохого. Вдруг ты решил это бабло украсть. Или бабу украсть, чтоб она тебе родила.

— И чё делать?

— Психологи говорят, что подавлять желания нельзя, но можно сублимировать. Можно полюбить пряники, например.

— Шоколадные.

— Да пофиг какие. Будешь ты их жрать и представлять торт. И привыкнешь со временем, и забудешь, что тебе торт когда-то хотелось.

— Это у меня так по ходу.

— Про еду?

— Нет. Вообще. Но про еду тоже, — он поправил обручальное кольцо, сползшее к фаланге.

Период изживания Максима затянулся на годы. Таня срывалась, слушала его музыку, смотрела его страницу, фотографии его баб, воображала себя ими, злилась, потому что она точно была лучше. Во всем. Если бы была хуже, то могла бы направить эту энергию в позитивное русло — начать самосовершенствоваться, чтобы бабу его очередную догнать и перегнать. Но нет. Она шлялась под его окнами, искала общих друзей, встречала и не могла поздороваться от боли, плакала, забывала, но потом видела во сне. От этого бессилия еще больше презирала себя. Пыталась заменить его кем-то, все равно кем. Любой был одинаково не Максим. Потом и это прошло. Наступил период тупого обреченного смирения. Будущего с Максимом никогда не будет, а значит, уже не важно, что там, завтра.

Таня взяла это новой научной темой, хотя изначально было ясно, что никакого выхода быть не может. Ни один создатель виртуальной реальности не смог бы загнать ее в такую ловушку, в которую она себя загнала — графин, белый свитер, свадебное танго и пожарские котлеты его мамы. Мозг не компьютер, он не способен отформатировать сам себя, но Таня все равно пыталась.

Было холодно, и они с Денисом встретились в кафе. На входе он свернул рекламную стойку — зацепился рукавом. Это было странно, он был очень ловким, и Таня не помнила, чтобы он когда-нибудь падал или ронял что-нибудь.

— Тань, ты посмотри, какая ты стала... Он же тебя сломал. Убей его, — внезапно предложил он.

— Смешно, — ответила тихо Таня, хотя смешно ей не было.

— Не, правда. Хочешь, я убью?

— А смысл? У меня его сейчас нет, и если он умрет, то у меня он от этого все равно не появится.

- Ну полегче станет. Нет человека — нет проблем.
- Нет.
- Ты же не пробовала.
- Давай, я все, что не пробовала, делать начну, ага. Нет, я себя знаю. Я с ума сойду оттого, что я теперь убийца, и как жить, и вот это вот все. Я тебе гарантирую — через час сама в окно выйду.
- Странная ты все-таки, — вздохнул Денис и позвал официанта.

Мама говорила, что все будет хорошо. Просто Тане раньше везло, поэтому первая несчастная любовь случилась так поздно, и их столько еще будет... Таня хотела верить. Но прошел еще год. Таня уже почти успокоилась, а во время юбилея профессора снова увидела Максима. И все началось опять — новый виток безумия с выслеживанием, рыданиями в подушку, пьяными излияниями Денису и чередой нелюбимых мужчин. Жизнь заиклилась, и вырваться не получалось. В каком-то круге она собралась замуж за мужчину очень на него похожего, но перед свадьбой решила посмотреть на Максима — проверить, прошло ли. Не прошло. В следующем круге она переспала с Денисом, и он навсегда пропал.

Когда Таня серьезно заболела и попала в больницу, она даже обрадовалась — вот она, контр-идея, стихийное бедствие, война. Здесь, на краю жизни и смерти, Таня осознает всю глупость своих страданий и забудет. Главное — выжить. Но Таня переболела легко, без осложнений, и, выйдя из больницы, первым делом спросила у профессора, как Максим. Он был в порядке — открыл очередной филиал танцевальной школы и собирался жениться.

— Танечка, а это не ваш знакомый? — профессор протянул Тане газету. — Мне кажется, я его здесь видел...

На первой полосе был Денис. Маньяк Денис, убивший девочку в их родном городе, отсидевший за это, а потом убивший нескольких девочек здесь. Девочка в балльном платье. Девочка в красных полосатых гольфах. Девочка в белом свитере. Девочка с шоколадным пряником.

Никакой жены у него, конечно же, не было, дочери тоже. Наутро после секса с Таней он попытался убить старшеклассницу, которая несла торт на школьное чаепитие, но передумал и отпустил. Его искали, а через пару месяцев он сам пришел с повинной. Сказал, что все фигня. Вообще все.

Таня вспоминала их разговоры и поражалась собственной слепоте — он показывал ей газеты, он предлагал убить человека, он оттирал кровь с джинсов во время прогулки, он хотел освободиться от нее, но не мог — покупал мороженое, гулял, провожал домой, а потом убивал похожих на нее девочек. И в этом Таня была виновата — она могла это остановить. Но Таня страдала изо всех сил, переживала красивую драму неразделенной любви, истинное чувство, на которое уже не способны прагматики нашего времени. Она часами рассказывала Денису про Максима, она злила его, снова и снова, а поплатились за это случайные девочки. Мир вдруг представился ей единой субстанцией, где от действия одной силы меняется всё, где любовь оборачивается смертью, а красота — болью. И Таня вдруг увидела себя не романтической и чистой, а брезгливой и надменной. Она не согласилась на меньшее, на Дениса, она захотела самого лучшего, из-за этого вселенную перекосило и погибшим девочкам не хватило простейшего — жизни.

Профессор все еще стоял. Таня смотрела на него, вспоминала его сына и чувствовала, что любовь прошла. Вообще вся.

— Родить мне надо, вот что, — проговорила она тихо и вышла.